

Переход от монастырских, соборных и частных школ к средневековым европейским университетам

О.Б. КЕЛЛЕР

Новая статья профессора О.Б. Келлер посвящена одному из важнейших процессов в сфере образования средневековой Европы, берущему свои истоки ещё в XII в., а именно: процессу перехода от монастырских, соборных и частных школ к более высоким ступеням образования – университетам. В качестве отдельных аспектов данного процесса рассматриваются предпосылки перехода от школ к университетам, а также анализируются мотивы образования / появления новых средневековых высших школ в Европе. Наряду с этим автор данной статьи уделяет определённое внимание рассмотрению следующих моментов: «лицензий на преподавание», критериев для поступления, уровня знаний новичков в университетах и др.

Ключевые слова: Монастырские школы, соборные школы, частные школы, лицензия на преподавание, мотивы появления / образования, термины и понятия, критерии для поступления, уровень знаний новичков в университетах, имматрикуляция, реестр зачисленных в университет.

A new article by Professor O.B. Keller is devoted to one of the most important processes in the field of education of medieval Europe, which originated in the XII century, namely: the process of transition from monastic, cathedral and private schools to higher levels of education, i.e. universities. As separate aspects of this process, the prerequisites for the transition from schools to universities are considered, and the motives of education / the emergence of new medieval higher schools in Europe are analyzed. Along with this, the author of this article pays some attention to the consideration of the following points: «teaching licenses», criteria for admission, the level of knowledge of beginners in universities, etc.

Keywords: monastic schools, cathedral schools, private schools, teaching license, motives of appearance / education, terms and concepts, criteria for admission, the level of knowledge of beginners in universities, immatriculation, register of university enrollees.

Прежде всего хотелось бы отметить тот факт, что в рассматриваемый период времени церковь продолжала сохранять свою монополию на обучение; разрешалось преподавать только обладателям «лицензии на преподавание» («*licentia docendi*»), выданной церковными властями. Для получения этой самой «лицензии на преподавание» («*licentia docendi*») все кандидаты должны были, в первую очередь, пройти процедуру проверки способностей, затем обязательно принять клятву повиновения (произнести определённую формулу клятвы), и, наконец, им следовало уплатить определённый гонорар, вне всякого сомнения, являвшийся желанным источником дохода средневековой европейской духовной элиты [1, s. 96].

В 1179 г. своё влияние на данный процесс оказало папство, а именно: на Третьем Латеранском Соборе¹ было принято новое постановление, согласно которому всем квалифицированным кандидатам был гарантирован свободный доступ к преподаванию, причём степень компетентности кандидатов надлежало оценивать исключительно философам-схоластам². При Соборах, а также при других храмах и монастырях надлежало организовать бесплатные школы для клириков и «бедных школяров» («*scholares pauperes*»). Главе школы – магистру – предписывалось выделить особую пребенду. Согласно 3 канону III Латеранского Собора устанавливались требования к кандидатам на церковные должности: зрелый возраст, а именно: не менее 30 лет для епископа и 25 лет для любого иного поста, связанного с пастырскими обязанностями, серьёзный характер («*morum gravitas*») и образование («*scientia litterarum*»), в том числе знание обязательное владение латынью. Согласно 18 канону III Латеранского Собора запрещалось брать плату за «разрешение на преподавание» («*licentia docendi*»), а также препятствовать достойным кандидатам, имеющим такое право, вести преподавательскую деятельность. Тем не

¹III Латеранский Собор (или XI Вселенский Собор в традиции римско-католической церкви) был созван в марте 1179 г. римским папой Александром III – *О.К.*

²Схоластика – это направление средневековой систематической философии в Европе, представляющей собой синтез христианского (католического) богословия и философии Аристотеля – *О.К.*

мене, несмотря на эту попытку центрально урегулировать данный вопрос о бесплатном предоставлении «лицензии на преподавание» («*licentia docendi*») со стороны высшей власти, «разрешение на преподавание» снова и снова становилось предметом спора между местными церковными властями и преподающими (преподавателями, магистрами, учителями) [2], [3], [4].

С течением времени во многих европейских странах увеличилось количество желающих обучаться в школах при Соборах. Приток мечтавших обучаться у конкретных известных учителей, например, во Франции, вырос до такой степени, что зачастую ведение обычного упорядоченного школьного процесса (процесса обучения) становилось уже невозможным. Безусловно, вышеупомянутый приток стольких уверенных в себе молодых людей из разных стран, в большинстве своём сыновей аристократов, имевших оружие, принёс с собой социальные и материальные проблемы. К этому добавился изменившийся статус учителей: в то время как ранее здесь преподавали постоянно оплачиваемые священнослужители, теперь это в большинстве своём были бесплатные учителя, которые селились в школах (зачастую лишь временно) и преподавали за плату; им приходилось прилагать усилия для привлечения студентов, а также полемизировать с конкурентами-коллегами. В качестве прототипа таких учителей можно назвать Пьера Абеляра³. Однако, как бы продуктивно не преваляло в интеллектуальной жизни того времени интерес к интеллектуальному познанию мира со всевозможными инновационными подходами, внешние обстоятельства зачастую выглядели беспорядочно и даже хаотично. Возможно, именно эти моменты и породили новые упорядоченные формы организации и способствовали появлению университетов [1, s. 97].

В качестве первых значимых университетов нового типа в Европе, пожалуй, нужно отметить такие пять, как: 1) первый «магистерский университет» в Париже (Франция); 2) первый «студенческий» университет в Болонье (Италия); 3) первый «государственный» университет в Неаполе (Италия); 4) первая «высшая медицинская школа» в Салерно (Италия) и 5) первый «имперский» университет в Праге (Чехия).

Некоторые учёные и исследователи уделили своё внимание рассмотрению мотивов образования / появления этих новых «высших школ».

Так, один немецкий исследователь середины XX в. Герберт Грундман в качестве «первичных и конструктивных для происхождения и сущности университетов, как совершенно новых образований в сообществе», не видел «ни потребностей в профессиональном обучении, ни государственных, ни церковных или социально-экономических импульсов или мотивов»; а видел скорее «эрудированный, научный интерес, а также желание знать и познавать» («*Primär aber und konstruktiv, wahrhaft grundlegend und richtungsweisend für Ursprung und Wesen der Universitäten als ganz neuartiger Gemeinschaftsbildungen, Lehr- und Lernstätten sind weder die Bedürfnis der Berufsausbildung oder der Allgemeinbildung noch staatliche, kirchliche oder sozialökonomische Impulse und Motive, sondern – kurz gesagt – das gelehrte, wissenschaftliche Interesse, das Wissen- und Erkennen-Wollen*») [5, s. 39].

Другой немецкий учёный середины XX в. Петер Классен считал, что «свою важную, значимую роль в данном процессе сыграло тесное взаимодействие между научными и практическими интересами, особенно среди юристов, а также среди богословов» [6, s. 156].

Для обоснования обеих точек зрения, безусловно, можно найти ссылки в источниках.

Так, Гуго Сен-Викторский⁴ в своём знаменитом сочинении XII в. «Дидаскаликоне, или Семь книг назидательного обучения» («*Didascalicon*») писал: «Изучай всё, позже ты увидишь, что нет ничего лишнего. Ограниченная наука не радуется» [7, buch IV, cap. 3, s. 182].

А Бернард Шартрский⁵ в своём стихотворении поэтически описал ключ к мудрости: «*Смирение в уме, ревностные исследования, спокойная жизнь; Молча и упорно познавая и прозябая в бедности, находясь далеко за границей; Многие были склонны открывать то, что было неизвестно в ходе процесса изучения*», затем процитировал только что упомянутого Гуго Сен-Викторского [7, buch III, cap. 13, s. 155–156].

³Пьер Абеляр (годы жизни: 1079–21.04.1142) – средневековый французский философ-схоласт, теолог, поэт и музыкант, а также один из основоположников и представителей доктрины под названием «концептуализм» – О.К.

⁴Гуго Сен-Викторский (годы жизни: 1096–1141) – средневековый французский философ-схоластик, богослов, писатель, педагог – О.К.

⁵Бернард Шартрский (годы жизни: 1070/1080 – ок. 1130) – средневековый французский философ-платоник, представитель шартрской философской школы.

Гуго Сен-Викторский (знарок парижских реалий) прокомментировал стихи Бернарда Шартрского следующим образом: «Что смогут сказать об этом студенты нашего времени, которые не только презирают лишения в учёбе, но даже стремятся казаться еще богаче, чем они есть на самом деле? Вы хвастаетесь не тем, что вы узнали, а тем, что вы потратили! Но, может быть, они просто хотят подражать своим учителям? Я не знаю, что о них сказать...» [7, buch III, cap. 18, s. 172].

Французский богослов, поэт и общественный деятель XII в. Пьер де Блуа (годы жизни: ок. 1135 – ок. 1211), изучавший помимо прочих мест юриспруденцию в Болонье, позже писал в одном из писем, вспоминая: «Есть две вещи, которые толкают человека к юриспруденции: охота за должностями и тщеславная жажда славы» [1, s. 98].

Сохранились также старые студенческие письма и других болонских студентов, которые раскрывают, чего именно ожидали их семьи от юридического образования сыновей: 1) славы и престижа; 2) материальных преимуществ.

В общем, надо понимать, что речь шла о синтезе мотивов и целей, которые так метко охарактеризовал в своей научной статье, изданной в 1966 г., немецкий исследователь Петер Классен: «Жажда знаний и стремление к социальному прогрессу сочетаются: культура двора, культура бургеров и культура учёного круга пронизывают друг друга настолько, что сперва заполняют школы, а после способствуют образованию университетов» [6].

Теперь о терминах и понятиях. Изначально для нового учреждения не было определённого, конкретного, фиксированного названия. Название «**studium generale**» подчёркивало широту тематики, а также надрегиональность новой инстанции, переходящей границы статуса и происхождения. В период Средневековья для характеристики ассоциаций лиц различного рода в смысле корпораций, кооперативов или объединений (к примеру, если речь шла о духовенстве епархии, о крестьянах деревень или о мастерах цехов / гильдий) обычно использовалось название «**universitas**». Теперь был основан и «кооператив магистров» («**universitas magistrorum**»), из которого берут свои истоки, во-первых, Парижский классический университетский тип «**universitas magistrorum et scholarium**», как сообщество преподавателей и студентов, а, во-вторых, альтернативный тип – Болонский – «**universitas scholarium**», в котором только студенты являются членами корпорации. Неоднократно выдвигаемое исследователями использования в этой связи термина «**universitas litterarum**», подразумевающего «совокупности наук», с современной точки зрения учёных, релевантным считать нельзя [1, s. 97].

Если сегодня «школьник» и «студент» чётко дефинируемые понятия, то мы можем смело утверждать, что о подобной дефиниции в Средние века касательно терминов «**scholaris**» или «**studens**» не могло быть и речи. Переход между школой и университетом был плавным. Уже среди посетителей монастырских, соборных и коллегиальных школ мы говорим о «студентах» и «учёбе», так как там обучалась не только молодёжь, чтобы изучать «элементарные искусства» («**artes**»), но и молодые люди, изучающие теологию (богословие).

Великие магистры, такие как Пьер Абеляр, можно сказать, уже «читали лекции» своим «слушателям». Ну а новые «высшие школы», университеты, практически не предъявляли специальных требований к поступлению или допуску. Единственными само собой разумеющимися требованиями были крещение по-христиански и законнорожденность человека; даже минимальный возраст был в то время не важен. Кстати, действительно ли молодой абитуриент был способен учиться, решало не университетское учреждение; решение на этот счёт принимали исключительно преподаватели университета [1, s. 117].

Каждый новичок должен был найти магистра, к кругу которого он присоединялся: в основном, это и был решающий критерий для поступления. Уже в первые годы существования Парижского университета действовал принцип, что «никто не является парижским студентом, пока у него нет постоянного учителя» («**nullus sit scholaris Parisius, qui certum magistrum non habeat**»). Сообщество образованных, сформированное вокруг учителя («**schola, familia**»), составляло ядро университетской жизни; студенты, которые часто были ещё молодыми студентами, с одной стороны, находились под защитой, а, с другой, подчинялись дисциплине своего магистра. «В принципе, университет можно понимать как сумму магистерских семей или магистерских школ», – полагает современный исследователь XXI в. Райнер Кристоф Швингес [8]. Тогда вполне понятно, почему почти на всех без исключения изображениях периода Средневековья мы видим читающего или рассказывающего что-либо магистра в кругу его учеников. Центральное / главное здание, как символ высшей школы, встречается уже в период Нового времени.

Таким образом, специальное школьное образование не требовалось, хотя в период Позднего Средневековья – особенно в городах – помимо духовных всё чаще появлялись школы бюргеров, расширявшие возможности школьного образования и подготавливавшие к поступлению в университет. Уровень знаний новичков отличался. Стандартные установки по поводу «вступительной квалификации в университет» тогда тоже отсутствовали. Если магистры замечали у молодых людей слишком большие пробелы в знаниях, то они сами предлагали будущим студентам частные уроки за дополнительную плату, особенно если необходимо было «подтянуть» уровень их знаний по латинскому языку. Безусловно, нельзя не отметить, что некоторая институционализация имела место постольку, поскольку вскоре наряду с «факультетами искусства» появилась «педагогика» («*paedagogia*»), где преподавались недостающие базовые знания. Однако эту задачу часто брали на себя и городские школы изучения латинского языка, которые в некоторых городах контролировались университетами и преподаватели которых, в большинстве своём, сами часто принадлежали к самому университету. В целом, обычные школы (в нашем современном смысле этого слова) «по-видимому, были нормальной основой для посещения высших школ, начиная с XIV в.» [8].

Хотя почти каждый мог посещать университет без предварительных условий, для окончательного присоединения к «*universitas*» был необходим формальный правовой акт: зачисление ректором или имматрикуляция, которое должно было произойти в течение определённого периода (обычно в течение первого месяца). Примерно с конца XIV в. налицо «реестры зачисленных в университет» («*Matrikel*»), представляющие собой одну из наиболее важных групп для изучения университетской истории в Европе в Средние века [9]. Перед внесением данных в «реестр зачисленных в университет» поступающий должен был принести присягу («*iuramentum*»). В итоге можно утверждать, что каждый университет представлял собой конкретную ассоциацию с элементами клятвы точно так, как, к примеру, гильдии ремесленников или гильдии торговцев. Во время торжественного акта студент либо вкладывал руки в руки ректора, либо держался пальцами за листки «реестра о зачислении» («*Matrikel*»). Кстати, интересно, что рукопожатие вновь зачисленных студентов ректором в некоторых университетах существовало вплоть до 60-х гг. XX в.

Остальным аспектам новых университетов будет посвящена специальная статья.

Таким образом, проанализировав предпосылки процесса перехода от монастырских, соборных, коллегияльных и частных школ к учреждениям нового типа – университетам, и затронув некоторые моменты этого процесса, можем сделать следующие выводы:

– во-первых, данный процесс уходит корнями в XII в. Именно тогда мы можем увидеть начало перехода от монастырских, частных либо соборных школ к новым структурам / общностям, получившим впоследствии название «университеты»;

– во-вторых, данный процесс перехода был неизбежен по причине стремления молодых людей познавать новое (в его более сложной интерпретации);

– в-третьих, особой необходимости иметь какое-то специальное школьное образование тому, кто хотел стать слушателем этих самых новых структур / общностей в виде первых университетов, не было. В качестве само собой разумеющихся критериев выступали законнорожденность, крещение по христианскому обычаю плюс приверженность молодого человека к кругу конкретного учителя (мастера);

– в-четвёртых, несмотря на то, что любой интересующийся мог слушать лекции учителя (мастера) без выполнения дополнительных условий, тем не менее для фиксации определённой принадлежности к новой структуре / общности следовало зачислиться (иными словами, имматрикулироваться) в данную высшую школу официально;

– в-пятых, уровень знаний новичков варьировал, однако, если учитель (мастер) видел в нём отсутствие должных знаний, то стараясь помочь ему, предлагал дополнительные занятия за соответствующую плату. В большинстве своём это касалось пробелов знаний в области латинского языка;

– и, наконец, в-шестых, акт зачисления ректором (имматрикуляции) новичка в новую, высшую школу проходил, как правило, в течение месяца после зачисления и представлял собой торжественную церемонию, в ходе которой поступающий приносил присягу.

Литература

1. Nonn, U. Mönche, Schreiber und Gelehrte : Bildung und Wissenschaft im Mittelalter / U. Nonn. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2012. – 200 s.
2. Secundus tomus consiliorum tam generalium quam patricularium. – Coloniae : Agippinae, 1551.
3. Blumenthal, U.-R. Das Dritte Laterankonzil, seine Beschlüsse und die Rechtspraxis / U.-R. Blumenthal // Die Ordnung der Kommunikation und die Kommunikation der Ordnungen. – Bd. 2 : Zentralität : Papsttum und Orden in Europa des 12. und 13. Jh. / Hrsg. von Cristina Andenna. – Stuttgart : Steiner, 2013. – 331 s.
4. Summerlin, D. The Reception and Authority of Conciliar Canons in the Later-Twelfth Cent. : Alexander III's 1179 Lateran Canons and Their Manuscript Context / D. Summerlin // ZSRG. K. 2014. – Bd. 100. – S. 112–131.
5. Grundmann, H. Vom Ursprung der Universität im Mittelalter. 2., mit einem Nachtrag versehene Auflage / H. Grundmann. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1976. – 68 s.
6. Classen, P. Die hohen Schulen und Gesellschaft im 12. Jahrhundert / P. Classen // Archiv für Kulturgeschichte. – 1966. – № 48. – S. 155–180.
7. Didascalicon de studio legend : (el afan por el studio) / Hugo de San Victor. Ed. bilinque prep. por Carmen Munoz Gamero. – Madrid : Biblioteca de Autores Crisianos (u.a.), 2011. – VIII, 130, 329 s.
8. Schwinges, R. C. Studenten und Gelehrte. Studien zur Sozial- und Kulturgeschichte deutscher Universitäten im Mittelalter / R. C. Schwinges. – Leiden/Boston : Brill, 2008. – XII, 663 s.
9. Hawicks, H. Universitätsmatrikeln im deutschen Südwesten. Bestände, Erschließung und digitale Präsentation. Beiträge zur Tagung am 16. und 17. Mai 2019 im Universitätsarchiv Heidelberg / H. Hawicks, I. Runde. – Heidelberg : Universitätsverlag Winter, 2020. – 434 s.

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 17.04.2023